

Социальные представления подростков, склонных к риску

Т.П. АВДУЛОВА,

кандидат психологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета

Л.А. МОТЫЛЕВА,

директор ГБОУ школа № 1106

В статье анализируется взаимосвязь у подростков склонности к рисковому поведению и особенностей социальных представлений. Показано распределение подростков по уровням склонности к риску. Обнаружены значимые связи между высоким уровнем склонности к риску и низкими показателями совестливости, низкой ориентацией на социальные аксиомы (религиозность), низким стремлением к упорядоченности мира, отсутствием веры в персональный справедливый мир. Одновременно показано, что воздерживающиеся от риска подростки отличаются высокой потребностью в упорядоченности мира и ориентацией на универсальные социальные правила.

Ключевые слова: *подросток, риск, склонность к рисковому поведению, социальные представления, социальные аксиомы, вера в справедливый мир, совестливость, эмоциональный интеллект.*

Постановка проблемы исследования

Склонность к риску является как личностным, так возрастным и социальным феноменом, который проявляется в связи с определенными типологическими особенностями, но неизбежно нарастает в подростковом возрасте и юности, а также трансформируется в зависимости от социальной среды и обстоятельств социализации личности. Данные исследований М. Цукермана показывают, что в период с 9 до 14 лет склонность к риску стремительно возрастает и достигает максимальных значений к 18–20 годам, после чего неизбежно снижается [19]. Многие авторы отмечают естественность риска для подросткового возраста,

его условную нормативность, различая две направленности рискового поведения: социально допустимую и деструктивную [2; 16].

Наряду с этим, риск становится для подростков формой самораскрытия через внешнее поведение и острые телесные ощущения, так как подлинное самораскрытие для незрелой личности невозможно и оказывается субъективно еще большим риском, нежели опасность для здоровья или для жизни. Происходит своеобразная подмена: неготовность рисковать личностью (познавать себя, актуализировать и реализовывать свое Я, взростеть) ведет к усилению физического риска ощущения границ Я и внешних возможностей Я. Все чаще молодые люди выбирают риск как альтернатив-

ную возможность ощутить вкус жизни, испытать себя и показать неограничиваемость собственных возможностей скучной реальностью.

Рисковое поведение является своеобразным отражением процесса формирования социальной идентичности, декларацией самости, выражающей стремление показать собственную уникальность, подняться над средним, обезличенным уровнем самопрезентации [1]. Определенная маргинальность, согласно Э. Эриксону, может лучше выразить уникальную идентичность подростка, в том числе и в существовании в качестве делинквента, если общество не способно предложить ему нечто другое [11].

Фактором рискованного поведения для подростков становятся также сверстники, само общение с которыми нередко само по себе провоцирует рискованное поведение. При этом принадлежность к группе ровесников, обеспечивает удовлетворение потребностей в безопасности, в защищенности, в аффилиации и в достижениях, которые подросток разделяет с группой. К социальным факторам рискованного поведения относятся также негативные характеристики социальной среды (чуждое окружение, делинквентное окружение, распространенность насилия в среде).

Важным личностным качеством, сопряженным со склонностью к риску является профиль временной перспективы, в частности, доминирование настоящего и несформированность перспективы будущего. В исследованиях Дж. Бойда и Ф. Зимбардо показано, что склонность к риску коррелирует с профилем временной перспективы настоящего, а различия особенно ощутимы при сравнении с профилем личностей, ориентированных на будущее [3].

Применительно к подростковому возрасту эта зависимость объясняет как рост поведения риска, так и его снижение в юности. Если для младших подростков закономерной временной ориентацией является сосредоточенность в настоящем и неспособность просчитать последствия риска как на личностном, так и на эмоциональном уровнях, то по мере взросления нормативная картина развития открывает подростку будущее. Ориентация на будущее, эмоциональная включенность в построение новой временной перспективы являются достаточно объективным показателем взросления подростка и отражают преодоление негативной фазы кризиса развития.

Рисковое поведение проявляется в тесной связи с социальными условиями и культурой общества. В зависимости от социальной реальности рискованное поведение обретает новые формы и новую поведенческую направленность. Но гораздо важнее, что склонность к рискованному поведению откладывает отпечаток на социальные связи и отношения подростков, влияет на их социальные представления и моральные ориентиры. Во многом преходящий скачок в рискованном поведении ведет к формированию определенной направленности социальных представлений.

Одним из базовых компонентов социальных представлений является отношение к социальным аксиомам, к справедливости, к социальным и моральным нормам и правилам, которые и стали предметом нашего исследования.

Представления о справедливости наиболее полно изучены в теории веры в справедливый мир, впервые озвученной М. Лернером, а затем развиваемой в исследованиях К. Дальберга, И. Липкуса,

Л. Монтады [9]. Вера в справедливый мир понимается М. Лернером как базовые мировоззренческие представления об упорядоченности и справедливости мира, где каждый человек получает по заслугам. Эта вера отвечает потребности человека объяснить ситуации страдания, несправедливости, существования невинных жертв и представляет собой определенную иллюзорную установку, формирующуюся уже в детстве. Как подчеркивает М. Лернер, большинство людей стремятся организовать свою жизнь на основе обязательств и заслуг, принимая на себя ответственность, но не желая видеть несправедливость и травматичность реального мира [15].

Адаптивные функции веры в справедливый мир широко представлены в процессах социализации личности. Так, в обзоре С.К. Нартовой-Бочавер показано, что субъекты с высокими показателями веры в справедливый мир значимо чаще проявляют просоциальное поведение, оказывают помощь другим, в большей степени удовлетворены жизнью, а также оптимистичны и дружелюбны [9].

В целом в социальных представлениях подростков и юношества идеи справедливости и социальных императивов фигурируют чаще, создавая онтологическую основу соотносительности Я и общества. Социальные представления позволяют подросткам создавать собственную персонифицированную модель окружающей среды на основании описания, объяснения и категоризации различных компонентов социального окружения.

Социальные представления, согласно Т.П. Емельяновой, осуществляют познавательную функцию ориентации субъекта в социальной реальности [6], а в подходе С. Московичи важной характерис-

тикой социальных представлений является их представленность в культуре, т.е. значимость и «выпуклость» в определенный момент в конкретном обществе [8]. Таким образом, наличие социальных представлений, связанных со справедливостью и социальными регуляторами, отражает характер отношения к этой проблеме в среде подростков.

Описание модели и результатов исследования

Нами было проведено исследование особенностей социальных представлений подростков с разным уровнем склонности к рисковому поведению. В исследовании приняли участие 63 подростка в возрасте от 13 до 15 лет, учащиеся 7–9-х классов. Исследование проводилось на базе ГБОУ «Школа № 107» г. Москвы. В исследовании использовались следующие методики. Исследование социальных представлений подростков изучалось нами на основании методик «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга, «Шкала совестливости» В.В. Мельникова, Л.Т. Ямпольского и опросника «Вера в справедливый мир» Д. Клауди (в адаптация С.К. Нартовой-Бочавер). Склонность к рисковому поведению оценивалась на основании опросника «Диагностика склонности к риску» Т.П. Авдуловой. Кроме того, в качестве вспомогательной методики, мы провели тест «Эмоциональный интеллект» Д. Гоулмена.

Опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга направлен на выявление отношения к трем классическим универсальным социальным аксиомам, отношение к которым, согласно идее ав-

торов, отражает социальную позицию личности. Социальные аксиомы воссоздают наиболее общие убеждения человека относительно самого себя, социального окружения, а также физического и духовного мира. Социальные аксиомы играют определяющую роль как в отражении картины мира, так и в построении реальных социальных связей и становятся конкретными социальными ориентирами личности [10; 16]. М. Бонд и К. Леунг, обобщая и систематизируя социальные аксиомы, выделили три наиболее общих, на их взгляд, базовых положения: контроль судьбы, религиозность и ожидание вознаграждения (награда за усилия).

1. Награда за усилия. Суждения этой социальной аксиомы отражают оптимизм в отношении того, что трудности жизни могут быть преодолены личностными усилиями и приложением ресурсов человека к решению проблем. Эта аксиома отражает готовность принимать на себя ответственность и труд в построении собственной жизни.

2. Религиозность. Содержание этой аксиомы фокусируется на положительных функциях веры и религиозной позиции. Авторы выделяют религиозную веру и практику как неотъемлемую черту любой культуры. Отношение различных культурных групп к религиозности варьируется.

3. Контроль судьбы. Показатели по данному фактору позволяют понять отношение к таким жизненным темам, как предсказуемость важных результатов и «предрешенность» того, что происходит в жизни. Эта аксиома отражает отношение к определенному фатализму.

«Шкала совестливости» В.В. Мельникова и Л.Т. Ямпольского предназначена для исследования отношения к социаль-

ным и этическим нормам и требованиям. Высокие значения по шкале отражают такие проявления совестливости, как добросовестность, ответственность, принципиальность, руководство моральными правилами в жизни. Это лица, ориентирующиеся на нравственный стандарт и социальные ожидания, как правило, с хорошим самоконтролем и саморегуляцией [4].

Опросник «Вера в справедливый мир» Д. Клауди (в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер) позволяет исследовать такой базовый структурный компонент личности как «веру в справедливый мир», который воспроизводит в себе, как минимум, три адаптивные функции: 1) принятие субъектом на себя обязательств поступать справедливо; 2) сформированность внутренней уверенности в том, что и другие будут поступать справедливо в ответ на справедливость субъекта; 3) осмысленное отношение к жизни и стремление упорядоченно интерпретировать события своей жизни. Вера в справедливый мир выступает как социальный стереотип, упрощающий адаптацию, поддерживающий упорядоченную картину мира и формирующий доверие субъекта к миру и людям. Вера в справедливый мир выступает в двух показателях: вера в персональный справедливый мир и вера в общий справедливый мир [9].

Методика «Диагностика склонности к риску» Т.П. Авдуловой направлена на выявление уровня рискованного поведения. Стимульный материал представлен 15 вопросами, каждому из которых соответствуют 5 вариантов ответов по шкале Лайкерта, которые кодируются по 5-балльной системе от «совершенно не согласен» до «полностью согласен». Кро-

ме того, методика позволяет проанализировать некоторые причины склонности к риску: недооценка последствий своих действий; стремление продемонстрировать взрослость и самостоятельность; стремление пережить сильные эмоции; стремление лучше понять себя [1].

Методика «Эмоциональный интеллект» Д. Гоулмена представляет собой вариант самоотчета, определяющий коэффициент эмоционального интеллекта, показывающий насколько человек хорошо понимает свои эмоции, чувства других людей и может управлять своей эмоциональной сферой во взаимодействии с окружающими. Д. Гоулмен как раз понимает эмоциональный интеллект как ведущий фактор социальной успешности личности и компонент социальной компетентности личности [5].

Описание и анализ результатов исследования

Результаты распределения испытуемых нашей выборки по уровням рискованного поведения представлено в табл. 1.

Большинство подростков (79%) продемонстрировали средний уровень рискованного поведения, отражающий определенное возрастное увеличение готовности совершать опасные действия. При этом высокий уровень рискованного поведения оказался у 10% участвовавших в исследовании подростков, а низкий показатель – всего у 11% опрошенных. Обобщенные данные по выборкам взрослых людей демонстрируют цифру в 3–5% респондентов, склонных к высокому риску, а 95–97% взрослых людей являются рискофобами [7].

Соотношение уровней эмоционального интеллекта и склонности к риску у подростков нашей выборки представлено в табл. 2.

Как видно из табл. 2, склонность к риску линейно не связана с эмоциональным интеллектом, однако определенная тенденция прослеживается. При общем доминировании среднего уровня склонности к риску, при низком эмоциональном интеллекте это соотношение несколько меняется в пользу повышения процента подростков с высокой склонностью к риску, а при высоком эмоцио-

Таблица 1

Распределение подростков по уровням рискованного поведения (в %)

| Уровни рискованного поведения | Низкий уровень | Средний уровень | Высокий уровень |
|-------------------------------|----------------|-----------------|-----------------|
| Склонность к риску | 11 | 79 | 10 |

Таблица 2

Соотношение уровней эмоционального интеллекта и склонности к риску у подростков (в %)

| Уровни эмоционального интеллекта | | Склонность к риску | | |
|----------------------------------|---------|--------------------|---------|--------|
| | | Высокий | Средний | Низкий |
| Эмоциональный интеллект | Высокий | 8 | 69 | 23 |
| | Средний | 10 | 80 | 10 |
| | Низкий | 12 | 82 | 6 |

нальном интеллекте процент подростков с высокой склонностью к риску снижается. Эта тенденция, как показал статистический анализ, незначима, однако позволяет продолжить анализ влияния эмоционального интеллекта на рискованное поведение подростков через опосредующие это поведение механизмы.

Распределение подростков по уровням эмоционального интеллекта выглядит следующим образом: 27% подростков продемонстрировали низкий уровень эмоционального интеллекта, 52% — средний уровень и 21% — высокий уровень эмоционального интеллекта.

Результаты проведения методики «Социальные аксиомы» представлены в табл. 3.

Для подростков в целом оказалась наиболее значимой социальной аксиома «Награда за усилия» как ориентация на собственную активность и возможность влиять на события. Любопытно, что на взрослой российской выборке эта аксиома фактически не проявилась в утверждениях респондентов и не была выявлена факторным анализом структуры социальных представлений испытуемых [9]. Это позволяет выделять аксиому «Награда за усилия» как специфически важную именно для подросткового периода развития, как принятие своей активности и ответственности за изменения.

Помимо этого, важной оказалась и социальная аксиома «Контроль судьбы», средние и высокие показатели по кото-

рой в совокупности продемонстрировали 90% подростков. Вместе с тем, по аксиоме «Религиозность» подростки чаще, чем по двум другим, демонстрировали низкие значения. Однако именно социальная аксиома «Религиозность» оказалась действующим фактором, связанным со склонностью к рискованному поведению подростков. Обнаружена значимая отрицательная двусторонняя корреляция между уровнем склонности к риску и уровнем религиозности подростков (-,412; при $p \leq 0,01$).

Таким образом, в отношении наиболее типичных социальных аксиом подростки со склонностью к риску обладают выраженной особенностью — отсутствием религиозности и, наоборот, религиозные подростки в большинстве своем демонстрируют выраженную осторожность и рациональность. Также стоит отметить, что по данным зарубежных исследований, степень принятия социальной аксиомы «Религиозность» в целом ниже, чем продемонстрировали отечественные респонденты.

Следующей особенностью склонных к риску подростков является их отношение к моральным нормам. Уровень совестливости и склонности к риску, по нашим данным, значимо связаны между собой. Связь вновь отрицательная: -,437, при $p \leq 0,01$. В целом подростки продемонстрировали выражено положительные показатели ориентации на моральные нормы: высокий уровень совестливости у

Таблица 3

Уровни ориентации на «Социальные аксиомы» (в %)

| Социальные аксиомы | Низкий показатель | Средний показатель | Высокий показатель |
|--------------------|-------------------|--------------------|--------------------|
| Контроль судьбы | 10 | 53 | 37 |
| Религиозность | 18 | 70 | 12 |
| Награда за усилия | 8 | 41 | 51 |

40% подростков; средний уровень совестливости — 57%; низкий уровень — всего 3% подростков. Этот результат имеет два важных следствия. Прежде всего, он характеризует подростков, даже в критической фазе развития (а период 13–14 лет многими исследователями определяется как выражено негативная фаза кризиса), как морально ориентированных личностей, по крайней мере, на уровне суждений. Второе следствие связывает рисковое поведение с отсутствием моральных ориентиров, что предполагает совершенно новые уровни анализа причин развития подростковой склонности к риску и ее структуры. Поэтому необходимо в дальнейшем обратиться (в связи с исследованием проблемы риска) к изучению таких личностных компонентов, как чувство вины, децентрация, ориентация на другого.

Результаты исследования особенностей веры подростков в справедливый мир представлены в табл. 4.

Вера в справедливый мир включает в себя, согласно подходу Д. Клаудии, три основных компонента: потребность в порядке, персональная вера в справедливый мир и общая вера в справедливый мир (справедливый мир для других) [12; 13]. Результаты показывают общую ориентацию подростков на справедливость на уровне средних значений. Наибольшие показатели обнаружены по такому компоненту веры в справедливый мир, как персональная вера в справедливый мир,

т.е. позиция справедливости в отношении собственного Я: если я буду поступать по справедливости, то и в отношении меня жизнь будет справедлива. Это позиция индивидуальной справедливости, которая делает жизнь более защищенной и внутренне предсказуемой, формируя предпосылки для развития ценностных ориентаций личности как сознательной надстройки над нереалистичными бессознательными убеждениями.

Интересно, что в исследованиях персональной веры в справедливый мир П. Стрилана и Р. Саттона было обнаружено, что субъекты с высокими показателями данной характеристики не мстительны и в большей степени готовы прощать обиды, отказываться от агрессивных моделей поведения, даже если они не испытывают симпатии к обидчику (по сравнению с субъектами с низкой персональной верой в справедливый мир) [17]. С.К. Нартова-Бочавер приводит данные об обусловленности у подростков верой в справедливый мир позитивных планов на будущее и удовлетворенности жизнью. Для юношей это качество однозначно коррелирует с психологической адаптированностью [9].

В нашем исследовании обнаружена значимая отрицательная двусторонняя связь между склонностью к риску и верой в персональный справедливый мир у подростков (значение корреляции — $-0,325$, при $p \leq 0,05$). Подростки, склонные к риску, одновременно не склонны к вере в

Таблица 4

Данные методики «Вера в справедливый мир» (%)

| Показатели веры в справедливый мир | Низкий показатель | Средний показатель | Высокий показатель |
|--------------------------------------|-------------------|--------------------|--------------------|
| Потребность в порядке | 18 | 63 | 20 |
| Персональная вера в справедливый мир | 10 | 51 | 39 |
| Общая вера в справедливый мир | 10 | 59 | 31 |

справедливый мир и не ориентируют свое поведение нормами справедливости.

Сводные результаты статистически значимых связей между особенностями социальных представлений подростков с различным уровнем склонности к риску представлены в табл. 5.

Несмотря на невысокий процент подростков по нашей выборке, выраженно склонных к риску, социальные представления этих подростков кардинально отличаются от большинства, демонстрирующего средние значения рискованного поведения. Склонные к риску подростки не верят в необходимость упорядоченности и предсказуемости жизни, не верят в персональный справедливый мир. Они отличаются низкой ориентацией на моральные и социальные нормы и требования, низкой ответственностью за свои решения и отсутствием религиозных убеждений.

Вместе с тем, не удалось выделить значимо специфических особенностей склонных к риску подростков в области эмоционального интеллекта и отношения к таким социальным аксиомам, как контроль судьбы и награда за усилия.

Полученные данные согласуются с данными других исследований, проведенных на взрослой выборке. Так, Х. Лерч выявил отрицательные связи между склонностью к риску и социальной желательностью, социальной ответственностью и совестливостью [14]. В другом нашем исследовании, проведенном на подростках с фактической асоциальной направленностью поведения (подростки, стоящие на учете в полиции) было показано, что уровень склонности к риску у этих подростков выше, чем у их социализированных сверстников. Однако эти различия не стали значимыми, что подтверждает положение об условной нормативности склонности к риску в отрочестве [14].

В этой связи важно увидеть проблему с другой стороны. Воздерживающиеся от риска подростки отличаются высокой потребностью в упорядоченности мира и ориентацией на четкие универсальные правила. По всей видимости, эти правила они находят в религии, для несклонных к риску подростков характерен высокий уровень поддержки социальной аксиомы «Религиозность». Эти подростки демон-

Таблица 5

Значимые корреляционные связи склонности к риску и социальных представлений подростков

| Взаимосвязи склонности к риску | Показатели по методикам | Коэффициент корреляции |
|---------------------------------------|--------------------------------------|-------------------------------|
| Склонность к риску | Потребность в порядке | -,413** |
| | Персональная вера в справедливый мир | -,325* |
| | Общая вера в справедливый мир | - |
| | Совестливость | -,437** |
| | Религиозность | -,412** |
| | Контроль судьбы | - |
| | Награда за усилия | - |
| Эмоциональный интеллект | - | |

Условные обозначения: «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

стрируют высокий уровень совестливости на фоне сохраняющейся веры в персональный справедливый мир, хотя, как показывают исследования, в отрочестве, как правило, происходит разочарование в вере в справедливый мир и взрослеющий субъект исповедует более реалистичные социальные представления. Однако снижение наблюдается к 16–18 годам [9]. Для подростков, по данным зарубежных исследований, вера в персональный справедливый мир является ресурсом совладания с трудными жизненными ситуациями, профилактики депрессии, поддержания высокого самоуважения [18].

Социальные представления как достаточное общее отношение к миру, формируясь во взаимосвязи с возрастной феноменологией рискованного поведения, претерпевают определенные трансформации, отражающие специфическое отношение к обществу. В дальнейшем на фоне снижения рискованного поведения, социальные представления приобретают черты устойчивости, так как отрочество является сензитивным периодом для формирования социальных представлений. Взаимовлияние социализации и склонности к риску оказывает воздействие на дальнейший ход развития субъекта, а знание этих особенностей позволяет прогнозировать и контролировать ход развития, по крайней мере, на подростковом этапе.

мируясь во взаимосвязи с возрастной феноменологией рискованного поведения, претерпевают определенные трансформации, отражающие специфическое отношение к обществу. В дальнейшем на фоне снижения рискованного поведения, социальные представления приобретают черты устойчивости, так как отрочество является сензитивным периодом для формирования социальных представлений. Взаимовлияние социализации и склонности к риску оказывает воздействие на дальнейший ход развития субъекта, а знание этих особенностей позволяет прогнозировать и контролировать ход развития, по крайней мере, на подростковом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдулова Т.П. Склонность к риску в отрочестве // Психология обучения. 2011. № 2. С. 43–52.
2. Башкина Ю.Д., Посохова С.Т. Личностный смысл чувства риска у подростков // Ананьевские чтения — 2007: Материалы научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Цветковой. Издательство С.-Петербургского университета. СПб., 2007. 691 с.
3. Бойд Дж., Зимбардо Ф. Парадокс времени. СПб.: Речь. 2010. 352 с.
4. Васильева И.В. Организационно-психологическая диагностика. М.: Флинта. 2013. 136 с.
5. Гоулмен Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ. 2008. 480 с.
6. Емельянова Т.П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. N 6. С. 39–47.
7. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер. 2012. 288 с.
8. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии. Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
9. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
10. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс. 2006. 352 с.
12. Dalbert C. Belief in a just world, well-being, and coping with an unjust fate // Responses to victimizations and belief in a just world / Eds. L. Montada, M.J. Lerner. N.Y.: Plenum Press. 1998. P. 87–105.

13. *Dalbert C.* The justice motive as a personal resource: Dealing with challenges and critical life events. N.Y.: Plenum Publishers. 2001. 178 p.
14. *Lerch H.J.* Zum Zusammenhang zwischen Entscheidungsverhalten bei einer Bernullibefragung und Faktoren der Riskobereitschaft // *Psychologische Beiträge*. 1994. P. 575–586.
15. *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85. P. 1030–1051.
16. *Leung K., Bond M.H.* Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 36. P. 119–197.
17. *Strelan P., Sutton R.M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. P. 163–168.
18. *Sutton R.M., Douglas K.M., Wilkin K., Elder T.J., Cole J. M., Stathi S.* Justice for whom, exactly? Beliefs in justice for the self and various others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 38. P. 528–541.
19. *Zuckerman M.* Are you a risk-taker? // *Psychology Today*. 2000. Vol. 33, P. 52–57.

Social Representations in Risk-Taking Adolescents

T.P. AVDULOVA,

PhD in Psychology, associate professor, Moscow Pedagogical State University

L.A. MOTYLEVA,

principal at the state school no. 1106, Moscow

The paper analyzes the relationship between risk-taking behaviors and social representations in adolescents and describes how adolescents may be divided into groups according to the levels of their risk-taking. The study revealed significant correlations between high levels of risk-taking and low levels of conscientiousness, of orientation on social axioms (religiousness), low desire for orderliness of the world, and the absence of a belief in a just world. At the same time it was found that those adolescents who abstain from risk-taking have a greater need for orderliness of the world and are more oriented towards universal social rules.

Keywords: *adolescent, risk, risk-taking behaviors, social representations, social axioms, belief in a just world, conscientiousness, emotional intelligence.*

REFERENCES

1. *Avdulova T.P.* Sklonnost' k risku v otrochestve // *Psihologija obuchenija*. 2011. no. 2. pp. 43–52.
2. *Bashkina Ju.D., Posohova S.T.* Lichnostnyj smysl chuvstva riska u podrostkov // *Anan'evskie chtenija – 2007: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod red. L.A. Cvetkovoij. Izdatel'stvo S.-Peterburskogo universiteta. Saint-Petersburg, 2007. 691 p.*
3. *Bojd Dzh., Zimbardo F.* Paradoks vremeni. Saint-Petersburg: Rech'. 2010. 352 p.
4. *Vasil'eva I.V.* Organizacionno-psihologicheskaja diagnostika. Moscow: Flinta. 2013. 136 p.
5. *Goulmen D.* Jemocional'nyj intellekt. Moscow: AST. 2008. 480 p.
6. *Emel'janova T.P.* Social'noe predstavlenie – ponjatie i koncepcija: itogi poslednego desjatiletija // *Psihologicheskij zhurnal*. 2001. T. 22. no. 6. pp. 39–47.
7. *Il'in E.P.* Psihologija riska. Saint-Petersburg: Piter. 2012. 288 p.
8. *Moskovichi S.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. *Psihologicheskij zhurnal*, 1995. T. 16. no. 2. pp. 3–14.
9. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Psihologicheskie problemy spravvedlivosti v zarubezhnoj personologii: teorij i jempiricheskie issledovanija // *Psihologicheskij zhurnal*, 2014. T. 35. no. 1. pp. 16–32.
10. *Tatariko A.N., Lebedeva N.M.* Issledovanie social'nyh aksiom: struktura i vzaimosvjazi s social'no-jekonomicheskimi ustanovkami rossijan // *Psihologija. Zhurnal vysšej shkoly jekonomiki*. 2008. T. 5. no. 4. pp. 135–143.
11. *Jerikson Je.* Identichnost': junost' i krizis. Moscow: Flinta, MPSI, Progress. 2006. 352 p.

12. *Dalbert C.* Belief in a just world, well-being, and coping with an unjust fate // Responses to victimizations and belief in a just world / Eds. L. Montada, M.J. Lerner. N.Y.: Plenum Press. 1998. pp. 87–105.
13. *Dalbert C.* The justice motive as a personal resource: Dealing with challenges and critical life events. N.Y.: Plenum Publishers. 2001. 178 p.
14. *Lerch H.J.* Zum Zusammenhang zwischen Entscheidungsverhalten bei einer Bernullibefragung und Faktoren der Riskobereitschaft // Psychologische Beiträge, 1994. pp. 575–586.
15. *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // Psychological Bulletin. 1978. V. 85. pp. 1030–1051.
16. *Leung K., Bond M.H.* Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. V. 36. pp. 119–197.
17. *Strelan P., Sutton R.M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // Personality and Individual Differences. 2011. V. 50. pp. 163–168.
18. *Sutton R.M., Douglas K.M., Wilkin K., Elder T.J., Cole J. M., Stathi S.* Justice for whom, exactly? Beliefs in justice for the self and various others // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. V. 38. pp. 528–541.
19. *Zuckerman M.* Are you a risk-taker? // Psychology Today. 2000. V. 33. pp. 52–57.